

В. Л. БЕНИН, О. В. ФРОЛОВ

Культурная составляющая компетентностного подхода

В последнее десятилетие переход российского образования на позиции компетентностного подхода приобрел императивный характер. Он законодательно закреплён «Федеральной целевой программой развития образования на 2011—2015 гг.» и Федеральными государственными образовательными стандартами. При этом мало кто обращает внимание на то, что в современном образовании, тяготеющем к некоей всеобщности, назревает конфликт между процессами формирования образованной личности и развитием стандартизированной мировой системы образования. Обучение, основанное на компетентностном подходе, все очевиднее приводит к феномену маргинализации. Мы уже отмечали, что основная задача реализации названного подхода состоит в том, чтобы создать социально-мобильного специалиста, способного достаточно легко передвигаться как в горизонтальной, так и в вертикальной общественной системе страт. Апологетами всеобщей «компетенциализации» утверждается, что лишь в условиях рыночной экономики создается возможность для реализации сущностных сил человека, что современная рыночная система дает толчок для проявления и развития индивидуальности. Человек получает возможность стать «конкурентоспособной личностью».

В этой логике «компетентный» означает «конкурентоспособный». Конкурентоспособный — значит «успешно проданный». Следовательно, чтобы быть успешно проданным, необходимо стать компетентным. Но не влечет ли желание «САМОреализации — САМОпродажи» утрату тех личностных оснований, которые позволяют вслед за А. М. Горьким утверждать, что «Человек — это звучит гордо!»?

Поскольку платежеспособный спрос в обществе потребления ограничен, между «продавцами собственных способностей» разгорается свирепая борьба за «покупателей», в ходе которой в человеке развиваются особые качества. В борьбе за «счастье быть проданным» человек закаляется не как наделенная уникальными свойствами и человеческим достоинством личность, а как существо, в котором доминируют эгоистические стремления.

Стремление человека стать конкурентоспособным в определенной мере равносильно необходимости быть компетентным, и поэтому бесспорно содержит в себе положительные моменты. Действительно, каждый человек наделен специфическими, только ему присущими способностями. Положительное внешнее проявление этих внутренних способностей

в процессе профессиональной деятельности и есть лучшее свидетельство его особенности. Соответствующее внутреннему призванию человека положительное действие не может не быть полезным для общества. Именно этот момент представляется нам главным и решающим для утверждения человека. Но он подтверждает свою индивидуальность не тогда, когда совершенствование сущностных сил превращено в самоцель, а тогда, когда эти силы тратятся на благо общества.

Слово «компетентность» в качестве маркера современного образовательного процесса обладает значениями, которые не всегда улавливаются носителями русского литературного языка. В ряде языков слова «компетенция» (*competence, compétitif*) и «конкуренция» (*competition, compétition*) являются однокоренными. Именно это имел в виду П. Бурдьё, утверждая, что конкуренция есть «парадокс» американской социологии: «...связь эффективности и конкуренции являет собой социологический вариант верования в достоинства “свободного рынка”» [1]. В отличие от иностранного, в естественной языковой ткани русского языка смысл значений слова «конкурентоспособный» является устойчивым и вполне очевидным. Это зафиксировано известным в менеджменте словосочетанием «*competitive advantages*» (конкурентные преимущества). Буквальный перевод на русский язык — «компетентные преимущества» — наглядно демонстрирует совпадение значений компетентности и конкурентности (конкурентоспособности). В значении же слова «*competitive*» Оксфордский толковый словарь английского языка указывает на агрессивность, соперничество, стремление к власти [2]. Понимание компетентности в значениях способности одержать победу, способности подчинять, умения воздействовать, в значении как конкурентного преимущества в менеджменте и в западных моделях образования являются для носителей романо-германских языков очевидными и не требуют комментариев. В ситуации «глубокого» рынка (не только разросшегося вширь, но проникающего вглубь человеческих отношений) это слово вполне подходяще.

В русском языке иностранное слово «компетентность» содержательно связано со знаниями, авторитетом, достоинством личности, но не с возможностью одержать победу. Оно звучит уважительно, тогда как понятие «конкуренция» изначально было наделено неодобрительным смысловым значением. До сих пор актуальны утверждения о том, что «...примат меновой стоимости вынуждает человека рассматривать себя и других не как носителя определенных качеств, а как вещь, имеющую количественную определенность. Человек рыночной системы, подобно любому товару, ориентирован на потребности рынка. Если он и заботится о приобретении и развитии каких-то свойств и качеств, то лишь потому, что, вынося их

на суд рынка, ожидает получить количественный результат. Выдвижение количественной стороны за счет принижения, оттеснения, извращения и полного игнорирования собственных качеств стало предметом заботы человека рыночной ориентации» [3]. Стремление быть признанным рынком вынуждает человека заменять свои неповторимые личностные качества на более «конкурентоспособные» на данный момент свойства, диктуемые конъюнктурой рынка. Следовательно, смысл жизни человека заключается не в осуществлении субстанциальной цели («в жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого» *Л. Н. Толстой*), а в успешном «сбыте» молниеносно приобретаемых и так же молниеносно изгоняемых из себя человеческих свойств и качеств.

Исследователи отмечают, что с культурологической точки зрения принятие российским обществом компетентной модели образования и профессиональной деятельности требует либо принятия идеологии конкурентной борьбы, идеологии успеха как единственно возможной модели современного общества, либо критического отношения и осторожного использования [4]. Мы полагаем, что компетентность — сложноструктурный феномен — следует рассматривать как совокупность ценимых обществом качеств личности, позволяющих ей обогащать общественную практику высокими духовными и материальными достижениями. В отличие от конкурентоспособности («рыночной продаваемости») компетентность характеризует духовно-нравственную сущность личности, обуславливая ее поступки. Содержание компетентности детерминировано внутренним, духовным миром человека, направленностью сознания, личностными ориентациями, мировоззрением, нравственностью и ответственностью. От компетентности зависят возможности раскрытия каждым индивидом себя в качестве субъекта активного социально полезного и социально безопасного действия. Характер компетентности обуславливает возможность решения социальных и экономических проблем, реализацию задач гуманизации общества, возможность целенаправленного и корректного использования новых технологий и информационного пространства, ставших фактом современного общественного развития. В процессе формирования компетентности формируются структуры культурных, социальных и профессиональных связей человека. Не случайно, подчеркивает И. П. Смирнов, если обратиться к первоисточникам компетентного подхода, то станет ясно, что компетенции характеризуют способность человека выполнять социальные, а не предметные действия [5, с. 48].

В традициях уфимской научной школой «Педагогическая культурология», мы считаем, что в ходе формирования компетентности (и это является одной из важнейших задач педагогики) происходит передача

социального и профессионального опыта, зафиксированного в культуре. Компетентность сообразна с культурой и ориентирована на культуру.

Логика культурологического подхода к исследованию компетентности как цели и результату профессиональной подготовки современного специалиста предполагает выявление и анализ выполняемых ею культурных функций. Нами выделен ряд культурных функций компетентности будущих специалистов, пока еще слабо реализующихся в современной практике их профессиональной подготовки.

1. *Культуротворческая функция.* Заключается в дальнейшем развитии и обогащении профессиональной культуры как типа жизнедеятельности, присущего определенной социально-профессиональной группе и определяющим образом влияющего как на устойчивость, так и на изменчивость сферы профессиональной жизнедеятельности человека. Важно, что профессиональная культура приобретает в процессе целенаправленного формирования компетентности, предполагающего высокий уровень дисциплины и самоконтроля, ответственности и стремления к самосовершенствованию. В связи с этим мы концентрируем внимание на процессе формирования, в основе которого — побуждающий к активной творческой деятельности императив, осуществляемый в профессионально-образовательной среде и активизирующий компетентностные (социально действенные) качества будущего специалиста. Необходимо учитывать тот факт, что под влиянием новых тенденций в культуре изменяется и внутренняя структура профессионального мира. На место общепринятой иерархии приходят новые актуальные системы, центральное место в которых занимает компетентность. Немецкий исследователь В. Кербер выразил это следующим образом: «Выученное устаревает в новой профессионально-трудовой сфере очень быстро. Предъявляются новые требования: речь идет об обучении в течение всей жизни, которое должно сочетаться с творчеством, умением работать в команде и личной ответственностью. ...Все это я хотел бы назвать очень обобщенно “жизненной компетенцией” человека....» [6, с. 8].

В свете культурологического подхода, профессиональная подготовка современного специалиста представляет собой культуросообразный образовательный процесс, в котором субъекты реализуют себя в качестве субъектов профессиональной культуры, а содержание образования выстраивается в соответствии с содержанием профессиональной культуры определенной социально-профессиональной группы.

2. *Функция формирования духовной (гуманитарной) культуры.* Русский философ И. А. Ильин в «Философии права» писал о том, что мировые войны и социальные потрясения происходят там, где проявля-

ется незрелость или вырождение духовной культуры. К сущности человеческого духа автор относит дар воспринимать, преломлять, преобразовывать, направлять по-новому любое высшее воздействие. Но для того, чтобы владеть этим даром, человек должен управлять стихией собственной «неразумной и полуразумной души». «Невозможно устроить мир материи, не устроив мир души... Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире» [7, с. 489]. Решение проблемы человеческого духа в первую очередь требует выявления в человеке того онтологического «уровня», тех способностей, которые являются специфически человеческими. Результат духовной деятельности, конечно, может оказаться «выгодным», «пригодным», «полезным» (характеристики конкурентоспособности), однако в самом духовном акте как таковом нет и намека на выгоду, пригодность или пользу (характеристики компетентности).

Сегодня гуманизация общества — это насущная социальная потребность, вызванная тяжелейшими по своим последствиям кризисными явлениями. Именно гуманитарная культура позволяет увидеть проявление бесчеловечности в социальной жизни. Мы считаем *компетентность одним из ведущих гуманистических понятий, ибо она состоит в том, что человек «делает» себя во всех отношениях духовным существом.*

Кризис компетентности проявляется в своеобразной интерпретации рационализма, прочно вошедшей в теорию и практику. В процессе активной человеческой деятельности образовалось «материальное тело цивилизации» с потрясающими воображение научными открытиями, уникальными производственными сферами, невиданной ранее информационной системой. Но можно ли такой технологический прогресс рассматривать как фактор культурного развития человека? Большинство мыслителей, в их числе и современные, отрицательно отвечают на поставленный вопрос. В современном обществе активно культивируется «свободная от идеологии» позитивистская модель. Основные принципы этой модели — объективность, эмпиризм, инструментализм. Рациональность и принцип полезности как доминанта человеческого поведения, приоритет рыночных отношений, индивидуализм и свобода конкуренции становятся культурной рефлексией. В поле зрения исследователей находится в основном та сторона человека, которая необходима для решения специфических узкоутилитарных задач. Это оказывается благодатной почвой, на которой прорастают семена глубокого культурного кризиса, обусловленного современной экономической парадигмой — парадигмой «конкурентоспособности».

Несмотря на то, что все большее количество людей получает довольно высокий уровень образования, каждый человек в отдельности все меньше ощущает себя «своим» в объективированном мире. Владеющий огром-

ным количеством информации, позволяющей ему быть (или казаться) конкурентоспособным, но утративший духовность, человек неизбежно утрачивает связь с миром. И происходит невероятное: чем больше люди знают, тем меньше понимают Другого.

Известный израильский философ М. Бубер писал, что в истории есть «эпохи обустроенности» и «эпохи бездомности». В эпоху обустроенности человек чувствует себя органичной частью космоса — как в обжитом доме. В эпоху бездомности человеку трудно найти уютное место в мире, возникает чувство неприкаянности, сиротства и одиночества. Сформированная компетентность человека предполагает усвоение и понимание им гуманитарной культуры, которая выражает меру человечности в отношении людей друг к другу, к природе, к нормам права, политики и экономики.

3. *Ценностно-формирующая функция.* Компетентность — одно из слагаемых культуры личности. Компетентный человек — это высоко нравственный, знающий и понимающий человек, умеющий, владеющий информацией и технологиями, ценностно-ориентированный, а в общем плане — культурный человек. Для обретения целостности в миропонимании важно постижение информации сердцем. Именно «усердие», «сердечное понимание» формирует человека, неравнодушного к смысловым проблемам [8]. Знание, освоенное умом, сердцем и воспринятое во взаимосвязи с гармонией мира, создает возможность самореализации субъекта, включенного в систему социальных связей и отношений. Важно и понимание того, что человек, сотворенный «по подобию», должен также соответствовать и «образу». С этой целью он включается в процесс формирования компетентности, который направлен не на приспособление человека к меняющимся условиям цивилизации, а на то, чтобы он смог идти «против течения» современной цивилизации, сумел выдержать ее колоссальный напор, стремящийся уничтожить в нем человека [9]. Одна из проблем кризиса компетентности современного человека — проблема трансформации ценностей. В 1990-е годы в Россию, на фоне трансформации ценностных ориентаций молодежи (чистая совесть, приношение пользы обществу и т. д.), являющихся для них лишь периферийной группой ценностей, а желание иметь доступ к общечеловеческой культуре и вовсе ценностью низшего статуса [10], хлынул мощный поток западных информационных продуктов. Это осуществлялось в условиях, когда люди были не подготовлены к такому огромному потоку информации. Именно в этот момент в массовое сознание российского общества начинают закладываться новые ценности и жизненные цели, не характерные для всей предыдущей культуры. «И наши традиционные культурные установки, и философские основания советского строя, и русская православная

философия, — отмечал В. Э. Бойков, — исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — зло. Признать нищету ближних как норму жизни — значит отвергнуть русскую культуру, корнями уходящую в православие» [11]. С успешностью теперь начинает ассоциироваться не интересная работа и дружная семья, а лишь высокие доходы и следующая за ними роскошь, причем методы и средства достижения высокого уровня жизни не ограничиваются какими-либо моральными или этическими нормами.

Появляется слой людей, добившихся благосостояния благодаря криминальной деятельности, но с каждым днем их осуждает все меньшая часть населения. Многие «крохи» (и порой весьма великовозрастные) в прямом смысле слова перестают понимать «что такое хорошо, и что такое плохо». «Конкурентоспособность» зачастую определяется величиной дохода и «синдромом Молчалина» («*Во-первых, угождать всем людям без изъятия — Хозяину, где доведется жить, Начальнику, с кем буду я служить, Слуге его, который чистит платья, Швейцару, дворнику, для избежания зла, Собаке дворника, чтоб ласкова была*» А. С. Грибоедов «*Горе от ума*»). Итогом становится кризис компетентности: в управлении, в образовании, в здравоохранении, в любой другой сфере деятельности. Как показывают конкретные социологические исследования, одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их мимикрия, т. е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т. д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. «Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т. д.» [11]. Страна встала перед необходимостью преодоления кризиса компетентности. Это требует создания основ человеческого общения и взаимопонимания, урегулирования проблем самореализации человека, обретения гармонии с миром в целом и миром собственной души. Компетентность позволяет человеку открывать более глубокие смыслы, выходящие за пределы рациональных понятий, а также формальной, эмоционально не насыщенной вербальности.

4. *Герменевтическая функция.* Противоречия современной жизни при возрастающем потоке различной информации в новом качестве высвечивают всегда актуальную проблему понимания. Она принадлежит к числу комплексных, и решение ее возможно лишь на путях синтеза различных определений. Проблема понимания тесно связана с проблемой человеческого бытия. Мышление, знание, сознание (как совместное знание) в совокупности с информацией приобретают статус духовности.

В. А. Кутырев, рассматривая проблему понимания в контексте глубоких противоречий современной эпохи, утверждает, что ситуация с пониманием является «типичным примером амбивалентного состояния современной духовности. С одной стороны, в ней прослеживается стремление сохранить целостность человеческого духа, предотвратить его превращение в чистую «знательность», в информацию — и спасение видится в переходе от познания к пониманию, а с другой, понимание начинает подменять генетически более фундаментальные пласты человеческого бытия — чувственность, переживание, душу» [12].

Правомерен вопрос: почему так обострился интерес к пониманию? Ответом на него являются существенные противоречия современной жизни с постоянно возрастающей лавиной информации, которую человек использует прагматически, не имея возможности в ритме социального бытия увидеть, а тем более понять ее смысложизненное значение. Рационально мыслящий человек, как правило, с трудом усваивает основы парадоксального поведения, которое иногда позволяет найти выход из критической ситуации. «Насколько и как мир природы замещается миром культуры, — писал В. А. Кутырев, — настолько и так познание распадается на: 1) информацию и чистый теоретизм, проектно-техническую деятельность; 2) понимание. Это методологический коррелят распада естествознания на технологию и экологию, обществознания — на социологию и гуманистику... Теперь, как ни грустно, надо расстаться с иллюзией, что обладание информацией тождественно знанию, а знание тождественно пониманию и мудрости» [там же, с. 48].

Таким образом, наполнение новыми смыслами понятия «компетентность» осуществляется вместе с идеями гуманизации и культуросообразности. Выделенные культурные функции компетентности возможно реализовать в рамках культурологического подхода — принципиальной гуманистической позиции, признающей человека субъектом культуры, ее главным действующим лицом. Культурологический подход сосредоточивает внимание на человеке как субъекте культуры. Процесс формирования компетентности будущего специалиста с позиций культурологического подхода позволяет изменять его характер, акцентируя личностную обращенность.

Анализ современных подходов к определению сущности компетентности и выявлению ее культурных функций нацеливает на то, что ее формирование у будущего специалиста нельзя ограничивать определением состава знаний, умений, владений. Необходимо учитывать, что личность возникает там и тогда, где и когда человек начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам культуры, в лоне

которой он постигает свою жизнь и свою деятельность, поскольку компетентность неотделима от объективной структуры деятельности.

Наконец, говоря о связи компетентностного и культурологического подходов, следует подчеркнуть еще один, на наш взгляд принципиальный, момент. Компетентностный подход, о котором сегодня так много написано, гуманистически бесцелен. Таковой цели у компетентностного подхода нет. У культурологического подхода цель есть, но он неоперационален, поскольку у него нет реальных механизмов измерения меры достижения этой цели. *Неформальное содержательное объединение компетентностного и культурологического подходов дает возможность компетентностному подходу определить цель, а культурологическому — выработать критерии ее достижения*, что открывает очень интересные перспективы развития данного направления.

Литература

1. Бурдые, П. Социология социального пространства [Текст]. — СПб. : Алетей, 2005. — 288 с.
2. Оксфордский толковый словарь английского языка [Текст]. — Oxford University Press, 2008. — 553 с.
3. Абсава, Н. Д. Где задержался Человек? [Текст] // Перспективы человека в глобализирующемся мире. — СПб., 2003. — С. 32—40.
4. Никифорова, Л. В. Понятие компетентности глазами культуролога // Социокультурное развитие: аналитика, прогностика [Электронный ресурс] // www.hischool.ru.
5. Смирнов, И. П. Есть ли логика в педагогике? [Текст] // Профессиональное образование. Столица. — 2011. — № 9. — С. 46—51.
6. Кербер, В. Качества, необходимые специалистам в будущем [Текст]. — М., 1992. — 161 с.
7. Ильин, И. А. Собрание сочинений в 10 т. [Текст]. — Т. VII. — М. : Русская книга, 1998. — 608 с.
8. Гусев, С. С., Тульчинский, Г. Л. Проблема понимания в философии [Текст]. — М. : Политиздат, 1985. — 192 с.
9. Винтин, И. А. Особенности социального самоопределения старшеклассников [Текст] // Социс. — 2004. — № 2. — С. 98—103.
10. Батчиков, С. Либеральное мифоложество — 2 [Текст] // Завтра. — 2007. — № 22.
11. Бойков, В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян [Текст] // Социс. — 2004. — № 7. — С. 46—52.
12. Кутырев, В. А. Естественное и искусственное: борьба миров [Текст]. — Н. Новгород, 1994. — 199 с.